

Ы. Алтынсарин атындағы облыстық
балалар мен жасөспірімдер кітапханасы
Ақпаратты-библиографиялық бөлім

Областная библиотека
для детей и юношества им. И. Алтынсарина
Информационно-библиографический отдел

«Біздің заманымыздың жазушылары»

Сериясы

Серия

«Писатели
нашего времени»

Дмитрий Фёдорович
Снегин (Поцелуев)

(1912-2001)

биобиблиографический указатель

Костанай, 2012

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаем вам очередное пособие из серии библиографических указателей **«Писатели нашего времени»**, посвященных современным писателям Казахстана.

Данный выпуск посвящен писателю-фронтовику, журналисту, общественному деятелю Дмитрию Фёдоровичу Снегину

Цель пособия – собрать воедино весь имеющийся в нашей библиотеке материал, дать общее представление о писателе, его жизни и творчестве.

Источниками при составлении указателя послужили фонды ОДЮБ им. И. Алтынсарина.

В структуре пособия - список произведений автора, материалы о его жизни и творчестве, дайджест статей из периодических изданий, посвящённый Д. Снегину.

Справочный аппарат указателя представлен «Указателем имен авторов, составителей, переводчиков, художников», а так же «Списком периодических изданий, материалы из которых включены в указатель».

Содержание:

Биография.....	С. 4-5
Творчество.....	С. 5-6
Дайджест статей из периодической печати.....	С. 7-16
Произведения Д.Ф. Снегина.....	С. 16-17
Литература о нём.....	С. 17-18

Дмитрий Фёдорович Снегин (1912-2001)

Дмитрий Фёдорович Снегин, советский писатель, кинодраматург, Народный писатель Казахской ССР. Родился 7 ноября 1912 года в г. Верном (ныне Алматы) в семье рабочего-жестянщика. Семья была большая и дружная: отец Фёдор Давыдович, мать Федосья Сергеевна, три сына и три дочери. Имя при рождении: Дмитрий Фёдорович Поцелуев. Начинаящий поэт стал Снегиным при издании сборника первых стихов в 1934 году.

В 1935 году окончил факультет плодоводства Алма-Атинского сельскохозяйственного института. Всю жизнь занимался журналистикой: еще в юности алма-атинский паренек Митя Поцелуев принес в редакцию «Джетысуйской искры» (ныне - газета «Огни Алатау») свою первую заметку и вскоре стал сотрудником этой газеты. В 1937-1941 годах работал заместителем главного редактора журнала «Казахстан». Участвовал в Великой Отечественной войне, после окончания войны с 1945 по 1952 годы работал главным редактором журнала «Казахстан». В 1956-1960 годах работал заместителем главного редактора журнала «Ара» — «Шмель», в 1961-1963 годах и 1969-1971 годах — главным редактором журнала «Простор». В 1971-1982 годах являлся секретарём Союза писателей Казахской ССР.

Поколения многих журналистов очень тепло вспоминают Дмитрия Федоровича. Он приходил в редакцию, стройный, широкоплечий, с армейской выправкой. Был активным общественником, избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР 2-4-го и 7-9 созывов.

Всю войну он провел на передовой, а в жизни никогда не изменял друзьям. Он был мудр и добр, отзывчив и отважен, имел тонкую поэтическую душу. Любил приглашать к себе в гости, в доме его было огромное количество книг.

Во время перестройки Дмитрий Федорович не мог оставаться в стороне от событий общественной жизни, он выступает в печати с раздумьями о преемственности памяти. «Видеть, что на твоих глазах учинена несправедливость, и не возроптать, — пишет он, — значит, способствовать злу. Сознать это горько и больно. Когда молчат — порядочность и правда задыхаются в мутном потоке демагогического краснобайства. Конечно, волонтаризм и вседозволенность — величины не постоянные, а порядочность

– постоянная, но ее совершенствование и воздействие на характер человека, на нравственную атмосферу общества находятся в прямой зависимости от нашей воли и способности говорить и делать правду... только правду. Или мы очищаемся от скверны, или начинаем двурушничать. Нравственные устои летят под откос, попирается социальная справедливость, буксует экономика...».

Награды:

Дмитрий Фёдорович Снегин имел награды: ордена и медали «Красного знамени», «Красной звезды», «Октябрьской революции», «Дружбы народов», «Парасат». Народный писатель Казахской ССР — почётное звание Казахской ССР, которое присваивалось писателям за выдающиеся заслуги в развитии казахской советской литературы. Было утверждено Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 20 января 1984 года, в 1992 году присвоили звание почетный гражданин города Алматы, лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия.

Творчество

Первая книга стихов Снегина «Ветер с Востока» вышла в свет в 1934 году. Поэтические произведения Снегина 1930-х годов, в основном, посвящены жизни сельских тружеников (сборники «Семиречье» 1936 года, «Мой город» 1939 года). Книги стихов «Годы» (1944), «Верность» (1946), поэмы «Никита Огнивцев» и «На дальней высоте», созданные в военные годы, отражают героизм советских воинов. Воевал Снегин в легендарной Панфиловской дивизии. Храбрый артиллерист, Дмитрий Федорович прошел все ступени подразделений, частей и соединений артиллерии. Был командиром батареи, дивизиона, полка, начальником штаба артиллерии дивизии. В своих произведениях автор рассказывал о героизме генерала Ивана Панфилова, полковника Бауыржана Момышулы и других воинов – героев войны. Военные произведения Д.Снегина отличаются лаконизмом и реалистичностью письма, документальной основой.

Командиры Панфиловской дивизии. Слева направо: гвардии старший лейтенант командир артиллерийского дивизиона Дмитрий Поцелуев (Снегин), гвардии старший лейтенант Евгений Колокольников, гвардии капитан командир Талгарского полка

Бауыржан Момыш-улы, а также воин Сухов. Калининский фронт, 1942 год.

Тема любви к Казахстану отражена в сборнике «Голубые широты» (1946).

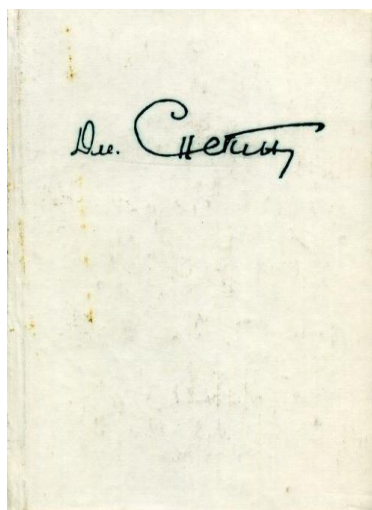
В романе-трилогии «В городе Верном» (1956, 1959, 1970) Снегин описал становление Советской власти в Алма-Ате, знакомит читателей с революционерами П. Виноградовым, Е. Асылбековым, Т. Бокиным, Р. Маречекком и другими. В романе «Утро и два шага в полдень» автор стремился изобразить дружбу русского и казахского народов.

Также вышли в свет повести «На дальних подступах» (1948)— о боях панфиловцев под Москвой, «В наступлении» (1953) о солдатах Панфиловской дивизии, «Осеннее равноденствие» (1961)— о делах и людях одного целинного совхоза в 60-е годы, «Парламентёр выходит из рейхстага» (1962) — о воинах казахстанцах и о Герое Советского Союза И. Я. Сьянове, книга очерков «Рождение подвига» (1956) о связи труда человека и его моральных качеств.

По сценариям Снегина были поставлены художественные фильм «Мы из Семиречья» (1959) и ряд документальных фильмов.

Снегин также занимался переводами казахской литературы на русский язык. В числе переведённых произведений — сборник «Уйгурская поэзия» (1934), сборник стихов «Кенес» И. Джансугурова (1935), «Гроза» К. Аманжолова (1946), «Ер-Тулеген» Н. Баймуратова (1945) и другие. По его переводам был выпущен сборник стихов на русском языке «Союз» И. Джансугурова, «Ер Толеген» Н. Баймуратова, «Молния» К. Аманжолова, «Родная земля» С. Мауленова. Д. Снегин перевел на казахский язык роман М. Симашко «В городе Верном».

Было издано Собрание сочинений в пяти томах, в пятый том которого вошли, в основном, военные повести автора: «На дальних подступах»,

«Парламентер выходит из рейхстага», «Осеннее равноденствие», «Ожидание» — несколько страниц героической летописи батальона Михаила Лысенко — резерва генерала Панфилова; «В те дни и всегда» — о защитниках Брестской крепости.

В 2001 году, уже после кончины Дмитрия Фёдоровича вышла в свет его последняя небольшая книжка с интригующим названием - «Видеомагнитофон номер 000 001... или Проказы Рустема. Алмаатинская быль». Она рассказывает о действительном случае, происшедшем с писателем в

реальной жизни. Герой повести, искусный проходимец, обманом завладевает японским магнитофоном. Однако жизненный опыт «пострадавшего» позволяют ему философски отнестись к этому криминальному фактору и воссоздать образ «героя» с психологической полнотой и убедительностью. Так что и в своём последнем произведении 88-летний Дмитрий Фёдорович опять проявил истинное писательское мастерство и вечно молодой ум.

Обращаться к честным и правдивым строкам Снегинской поэзии, прозы, публицистики нужно не урывками, а почаще. От этого только яснее станет наш взгляд на все минувшее — счастливое и трагичное, мрачное и беспредельно возвышающее человеческую душу в её вечных поисках Истины...

Дайджест статей из периодической печати:

Елена Брусиловская:

"Огненная страница жизни"

В конце своей жизни Дмитрий Фёдорович пишет потрясающую новеллу “Странные сближения, или Вокруг Михайловского”, в которой размышляет о великом Пушкине, о странных своих сближениях с Поэтом. К счастью, в виде небольшой книжки ее успевают выпустить Бахытжан Канапьянов в своем издательском доме «Жибек жолы» в ноябре 1999 года. Книга, повествующая о боевых действиях в годы Великой Отечественной на территории, где находилось и село Михайловское - пушкинское родовое гнездо.

Он пишет о странностях нашей жизни, когда на первый взгляд случайно происходят какие-то встречи или события. Но, как потом оказывается, это вовсе не случайность, а скорее predeterminedness. Говорят же — «судьбой предначертано». «Всегда ли странны подобно рода сближения (сопоставления... сличения)? — задается вопросом Дмитрий Фёдорович. — Впрочем, я суеверен, и непредсказуемая, но целенаправленная энергия вселенского Хаоса влияет на меня, как возмущение магнитных бурь». Таким

«странным сближением» для писателя было соприкосновение с Пушкиным, которого он безмерно любил, не уставая повторять вслед за Аполлоном Григорьевым: «Пушкин — это наше все».

И случайно ли, что именно Дмитрию Снегину было предназначено судьбой освободить в годы войны село Михайловское? «Я был там, — пишет он в своей книге. — Одна из огненных страниц моей жизни. К тому же парадоксальные сближения в чем-то сродни событиям, в которых принимал участие лично. Мне это помогает написать задуманное более удачно». «Дом семиреченского садовника Никиты Трофимовича Моисеева, поставлявшего к императорскому столу удивившие мир яблоки — верненский апорт, — напоминал мне дом, в котором жил Пушкин в родовом имении, будучи в изгнании. Я видел его на картинке с мудреным названием «Литография Г. Александрова».

Когда он говорит о Пушкине, перед его глазами вновь и вновь предстают родные яблоньки. «Колеблются чаши на Весах вечности. Добро — зло... Перепутья — Золотое сечение. И шумит чудотворно под вселенским ветром Сад пушкинской Поэзии. Молодые яблоньки чьего-то детства распрямляют ветви; среди нежной изумрудной листвы — чуткие лирные завязи. Антоновка... Титовка... Белый налив"...

Тогда же Д. Снегин был начальником штаба артиллерии Панфиловской дивизии. Но сложность боевой операции заключалась в том, что надо было взять Пушкинские места без применения артиллерии. И без авиации тоже. Проще говоря, одолеть противника голыми руками, стремительным натиском. Чтобы сохранить каждую пядь пушкинской земли.

«В селах Михайловском, Тригорском, в Святогорском монастыре (это там могила Поэта) стояли, а точнее, орудовали не подневольные немцы из вермахта, почти всегда державшие на кончике языка «Гитлер капут!», а в карманах шинелей — сброшенный с советских самолетов пропуск в плен. Нет, там окопалось вооруженное до зубов, отборное гитлеровское сволочье. Его поддерживала вся мощь германского оружия — наземного и воздушного. Оно отлично знало, ЧБИ избы жжет, ЧБИХ земляков грабит и насирует, в ЧБЕМ монастыре устраивает конюшни и отхожие места, ЧБЮ могилу оскверняет и даже пытается взорвать».

До сердечной боли пронзительны строки Снегина об умелых, отважных, самоотверженных и настолько же беззащитных под адским вражеским огнем наших сестрах милосердия, которым жизнью своей обязаны многие из гвардейцев-панфиловцев.

И сам Дмитрий Федорович — тоже. Верно говорят: в памяти остается все. И эта память через много-много лет вернула его в те далекие годы, чтобы

вновь пережить пережитое, но уже «под призмой Пушкина».

Об этой «огненной странице» в жизни Дмитрия Федоровича позже напишет в своей книге «Дмитрий Снегин. Его Любовь, Память и Слово» Владислав Владимиров, писатель, хорошо знавший и любивший Дмитрия Федоровича.

Владислав ВЛАДИМИРОВ:

**...В те дни - и всегда: по страницам Великой Жизни:
"И всё-таки он победил войну"**

Потрясающий фотоснимок передал мне специально для нашей газеты «Огни Алатау» известный хирург, лауреат Государственной премии Дмитрий Дмитриевич Поцелуев – сын писателя Дмитрия Федоровича Снегина.

Нельзя было узнать на этой фотографии, сделанной Михаилом Ананьевым, легендарную Брестскую крепость летом 1962 года. Этот снимок обошел всю планету. А в СССР он был удостоен диплома первой степени Всесоюзной художественной фотовыставке.

Дмитрий Федорович Снегин держал этот снимок у себя дома перед рабочим столом на книжном стеллаже рядом с фотографией фронтового побратима Бауыржана Момышулы и своим, чудом выпущенным в 1944-м, поэтическим сборником «Годы», посвященным всем гвардейцам-панфиловцам.

Тогда, в 1962-м, еще многие защитники Брестской крепости были живы. И среди них – запечатленный на этом снимке семиреченец Владимир Иванович Фурсов – доктор биологических наук, автор многих актуальных научных трудов, преподаватель Казахского государственного университета – в ту пору имени Кирова. И вот только тогда, в 1962-м мы узнали, что за необыкновенный человек этот всегда скромный великан Фурсов и отчего в его огненнорыжей шевелюре так много седины.

Фотограф, сам того не ведая, извлек героическую и трагическую судьбу Фурсова на всеобщее обозрение. И эта горькая, и в то же время, пронзительно светлая судьба сразу же подвигла двух крупных писателей-фронтовиков на проникновенное Слово о нем. Этими писателями стали знакомые друг другу москвич Сергей Сергеевич Смирнов и коренной

семиреченец Дмитрий Федорович Снегин.

Смирнов за издание свой документальной эпопеи «Брестская крепость» (1964 г.) был удостоен самой престижной из премий в СССР – Ленинской. Дмитрий Федорович Снегин за документальное сказание «В те дни и всегда» (1967 г.) схлопотал суровый начет родной цензуры, а также крупную выволочку в самой высокой партийной инстанции.

Фурсов стал в повести не проходной фигурой. На всю жизнь запомнил он – сержант, комсорг минометной батареи 125-го стрелкового полка, раннее воскресное утро 22 июня 1941 года – а Гитлер при нападении на любую из стран выбирал только выходной день и предрассветный час. Вот как со слов Фурсова поведал об этом Снегин: “Его разбудил грохот. Грохот катился по казарме – рваный, косматый и непонятный; бился о потолок, о стены, безобразя их глубокими ветвистыми трещинами. Неслышно осыпалась штукатурка; металась в исподнем красноармейцы, похожие на призраков; высоко, под самым потолком, раскачивалась на тонком шнуре погасшая лампочка”.

Но уже первые ожесточенные бои и схватки с гитлеровцами в самой крепости, в районе вокзала станции Брест-1, на приграничном шоссе Варшава-Минск стремительно смели прочь панику и растерянность, испуг и страх, пробудили в поначалу вроде бы безнадежно огорошенных Фурсове и его однополчанах азарт и убежденность в том, что бить гитлеровцев можно и – надо”.

Однако после злой вражеской танковой атаки у шоссе случилось, что контуженного, с раздробленной правой ногой, Фурсова подобрала местные жители. Чтобы спасти ему жизнь, уберечь от пули или петли карателей, они скрыли, что Фурсов кадровый военный человек, и выдали его за молодого необстрелянного приписника, случайно попавшего на место боя. После чего он оказался в огромном лагерном госпитале для советских пленных.

И тут его поразила встреча со своим непосредственным начальником – командиром 125-го стрелкового полка майором Дулькейтом. Нет, тот стал не просто военнопленным – Дулькейт занял пост коменданта этого госпиталя-лагеря. Лишь позже Фурсов поймет, что столь нелепая метаморфоза с честным Дулькейтом не предательство, а для советского немца единственная возможность уберечь от неминуемой расправы сотни красноармейцев, сохранить им жизни, обеспечить побег.

Дмитрию Федоровичу Снегину, тоже изувеченному войной, каждая рукопись, каждая книга давались невероятно страшной ценой, о чем он никогда и никому не говорил. Лишь 36 лет спустя открылись пометки, оставленные им на машинописных страницах первого варианта повести о

Фурсове: “1 августа 1965 года, воскресенье. Первая проба сил после хвори, больницы.” А 6 сентября 1965 года вот такая строчка легла на бумагу после описания жуткого эпизода лазаретного трупоедства (эти страницы потом выжгла цензура): “Пишу перекатами через головную боль”.

На титуле машинописи значится Снегинским красным карандашом: “Экземпляр, прочитанный В.И. Фурсовым”. Замечаний от Фурсова – ни единого: всё Снегиным схвачено и передано так, будто он сам преодолевал все круги нацистского ада. А он и в самом деле преодолевал их. Снова – за Фурсова и за себя тоже; свои фронтовые недуги преодолевал, чтобы правда о неволе, которую прошел Фурсов, осталась бы правдой и не было подмены ее идеологической схемой.

И читать эту правду, казнённую бдительными цензорами - страшно. Она без спасительной ретуши и милосердных округлений. Фурсов сменил немало лагерей. Были лагеря Холм и Белые Подляски. Был лагерь Замостье. Был лагерь Сувалки, а потом лагерь Торно. Названия разные, а порядки одни и те же – зверино-бесчеловечные.

В одном лагере надзиратель Фогель провинившихся не вешал и не расстреливал, а ловко умерщвлял широким охотничьим ножом – всаживал в затылок по самую рукоятку или же в спину, пониже левой лопатки. В другом лагере каждому третьему вводили шприцем в вену воздух: человек начинал задыхаться и погибал в муках. А в Сувалках Фурсову пришлось столкнуться с экс-москвичом, обожателем классической русской поэзии, зондерфюрером Гофманом и его чудовищным псом, которому ничего не стоило по желанию своего хозяина загрызть любую жертву насмерть. Превеликой загадкой для всех осталось – куда однажды и навсегда сгинула эта палаческая пара (одноногий, но физически неодолимый узник Фурсов сумел утопить её в лагерном нужнике).

Как свидетельствовал Фурсов (через Снегина), выносливых военнопленных нацисты содержали впроголодь, но не уничтожали – даже обезноженных. Сам же Фурсов с его великанским обликом, недюжинной силой был в этом смысле для нацистов самой подходящей особью. Комендант лагеря Торно Баумбах просвещал Фурсова: “Мы уничтожаем тех, кто слаб духом и плотью. А таких живучих, как ты, мы не убиваем. Таких мы лишаем разума, чтобы, кроме жратвы, вы не были способны ни на что, кроме работы, не могли думать, бороться”.

Но узники – боролись. Невероятно, но факт: даже в самых немыслимых условиях распространялась правда с воли, активно действовали группы Сопротивления. Пленных, у которых не было обеих ног (передвигались они на колясочках), называли на лагерном жаргоне танкетками. И опять же

Фурсов рассказывал (Снегин фиксировал): однажды вконец оголодавшим танкеткам крупно повезло – им подвернулась живая корова. Танкетки за неимением ножей умерщвляли корову гвоздями. Корова ужасно кричала. Потом они гвоздями ее резали. Фурсову было очень жаль это разнесчастное животное. Но еще больше было жаль до боли родных танкеток – сам же он был полутанкеткой при одной уцелевшей ноге...

А по соседству – снова вспоминает Фурсов (а Снегин передает) – пленные французы, американцы, англичане под легкую музыку поигрывали в волейбол.

А что урывками (а иногда безотрывно целыми страницами) читал Фурсов для укрепления воли и духа? Он помногу читал и перечитывал Ги де Мопассана, роман “Милый друг”. В свои 20 лет Фурсов не знал девичьего поцелуя. А потому ненависть к главному персонажу “Милого друга” – пробивному Жоржу Дюбуа, такому же, как и он, Фурсов, рыжему и жизнестойкому, но удачно морочившего голову женщинам, – эта ненависть переполняла душу Фурсова и тоже помогала ему держаться всю тысячу дней и ночей плена.

Они показались ему тысячью лет. Но и они закончились...

И вот в первый день освобождения от плена (этого нет в повествовании Снегина, но это было в жизни Фурсова) старший по званию освободитель спросил радостно кинувшегося к нему исхудалого узника – советского пилота: “Кто-о такой?” Пилот, приветственно приложив правую ладонь к лагерьной шапочке, отрапортовал, как положено, по форме: летчик Воздушной Армии, такого-то авиационного полка. В ответ: “А! Предатель!” и – командирские пули прямо в лоб несчастному. Каково? Ах, как хотелось бы Снегину видоизменить страшные картины, разукрасить их счастливыми описаниями горячих братских объятий и скупых мужских слез, на что мы насмотрелись в киноэпопеях о войне! Но была бы такая подмена для него нечистой сделкой с собственной совестью.

Да, самые невероятнейшие несчастья и жестокие беды выпали невыдуманному герою Снегина и Смирнова Владимиру Ивановичу Фурсову на его суровую долю. Однако не было в их чередѣ такой, которая сумела бы сломить его характер, непреклонную волю к борьбе и к самой жизни. Но все-таки он победил Войну. И вместе с ним её одолел Народ. Чего бы то ни стоило.

Елена Брусиловская:

Недаром вы приснились мне...

...Странные сближения. Но не будь их, как обеднела бы наша жизнь! Спасибо судьбе, что она направляет нас навстречу друг другу.

А для меня таким странным сближением стала встреча с Дмитрием Федоровичем Снегиным. Это произошло десять лет назад, в 1997 году, когда мне надо было написать статью о судьбе алматинских садов. А кто мог лучше Дмитрия Федоровича, потомственного верненца, садовода по профессии, рассказать об этом? Тем более что когда-то мой дед, Тихон Никитович Моисеев, не раз говорил мне, что мы в родстве с Поцелуевыми (такова настоящая фамилия Дмитрия Снегина), а вот в жизни мне с ним встречаться не довелось.

Помню, когда я шла на первую с ним встречу, была некая робость. Но Дмитрий Федорович встретил меня действительно как родного человека.

Помню, как меня буквально обволакивали удивительное обаяние этого человека и теплота, которую, казалось, он излучал. До сих пор звучит в памяти и его неторопливый, слегка певучий говор. Как бывший радиожурналист, я очень жалела, что газетные строки не могут передать интонации удивительного голоса писателя. Дмитрия Федоровича надо было слушать.

«Вернусь в детство, в апрель 1924-го... Я любил сладости, которых вы не едали и едва ли когда-нибудь увидите издали. Тогда в Алма-Ате проживало много китайцев. Одни чинили фарфоровую и гончарную посуду, мастерили из разноцветной бумаги складные фонарики для свечей.

Другие китайцы торговали с передвижных лотков до чиха наперченными и наукусенными ашлянфузами, лагманами, их можно было есть при помощи двух деревянных палочек; третьи — с тех же, похожих на ручные тачки, лотков за гроши ублажали детвору медом. Мед был необыкновенный, приготовленный из риса и бог весь каких специй. «И-есть-бела-риса-меда!» — до сих пор поет во мне сладкий призыв. Мы протягивали продавцу ладони с медяками и ответно получали похожие на халву желтые и хрупкие, как льдинки, кусочки меда, завернутые в страницы разорванной на наших глазах старинной книги.

Я никогда не бросал обертку, не прочитав ее от буквы до буквы. Грамотей же!.. Однажды, насладившись дольками, густо обсыпанными маком, я разгладил лист и увидел стихи. Ни начала, ни конца, но сердце почему-то застучало в ритм строкам:

VI. Недаром вы приснились мне

*В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.*

«Недаром вы приснились мне»... я тогда не мог знать — по возрасту, но прежде по своей провинциальной необразованности, — как называется вещь, кто сотворил эти скорбно-ликующие строки, но все в них пленяло алмазно сверкающей и совершенно незнакомой мне жизнью...

Огненная река Великой Отечественной выплеснет меня в апреле 1944 года у Пушкинских гор; потом, после ранения, вернет родным прилавкам Алатау... прежде, чем я осуществлю свою привычку сличать. И узнаю: те строки, что под римской цифрой «VI», — фрагмент из «Подражаний Корану», написанные Пушкиным в Тригорском, в доме у П. А. Осиповой».

...Последняя моя встреча с Дмитрием Федоровичем произошла незадолго до его смерти. В тот день он был настроен философски, много говорил о душе, о вере, о предназначении человека.

Запомнилось, как он с горечью обронил фразу: «Мы породили образованных невежд». И дальше: «Невежда — опасный человек, потому что во имя своих личных целей, во имя карьеры, денег он перешагнет через мать, через отца. Он все знает, ему неведомы муки совести. Он способен творить только зло во благо себе».

Еще он сказал: «Я боюсь людей, которые все знают». Образованнейший человек, Снегин не переставал учиться всю жизнь, до последнего своего дня. Не боялся признаться в незнании чего-либо, по-детски радовался удачно найденному слову.

Любил картины, умел их ценить. Но при этом не стремился к накопительству, покупал холсты для души. Помню, в одну из наших встреч принесли копию рублевской «Троицы», выполненную алматинским художником. Когда он взял ее в руки, лицо его буквально просветлело. «Ну как? — обратился он ко мне. — Здорово? Посмотри, Еленушка, какие удивительные краски. Я ее повешу здесь, у окна. На такие картины надо молиться».

Особой его любовью была Алма-Ата. О ней он писал бесконечно много. Этот город словно подпитывал его своей необыкновенной энергетикой.

«Алма-Ата наполнена зовущей и чарующей мощью своей плоти. Она напоминает мне женщину бальзаковского возраста, у которой позади все разочарования; она не устает жить и любить, оттого ее обаяние неотразимо. Нет мне желанней отрады, как бродить по прилавкам и с их высоты охватывать грустным взором раскинувшийся в низине город всей моей жизни

— в поисках примет, что безнадежно забыты, но без которых меня нет».

Он родился и вырос в Верном, городе, который, по его словам, пронизан верой. И когда я его спросила, что же такое для него вера? Он ответил: «Учти, религия — это одно, а вера — совсем другое. Религией манипулируют свои султаны, свои ханы. Редко великие, больше бесславные. Вера — это другое. Это настолько глубоко и настолько лично, что я не хотел бы этого касаться. Скажу только, вера — один из светочей человеческой жизни, она была и остается щитом на пути зла и насилия».

Н.П.Кропивницкий:

Год 1959. «Путешествие в Рудный» писателя Д. Снегина

В Центральном государственном архиве Комитета информации и архивов министерства культуры Республики Казахстан собрано немало свидетельств минувших дней. Наряду с документами официальными, хранятся переданные государству личные архивы и коллекции деятелей культуры и науки, писателей, журналистов, руководителей государственных органов и предприятий.

И среди них архивный фонд № 1965 «Дмитрий Федорович Снегин (Поцелуев) – писатель, общественный деятель».

В его архивном собрании есть маленькая желтенькая папочка, в которой небольшой по объему, написанный синими чернилами собственноручно «текст автограф». Открываем и читаем: "Путешествие в Рудный" или "Путь руды" (очерк, 13-15.09.1959 г). Отрывки из этого документального повествования мы и предлагаем вам прочитать.

Д. Ф. Снегин:

«Путешествие в Рудный» или «Путь руды»

Должно быть, и десять, и сто, и тысячу лет назад над этой Землей дул такой же неумно-ласковый ветер, который то и дело перебежал нам дорогу в то солнечное, иссиня чистое утро, когда мы приближались к городу Рудному. Так же голубело высокое, оттененное грядой могучих облаков небо и так же властно и беспредельно простилалась степь от горизонта до горизонта. Только не было тогда

самого города Рудного, и библейская тишина властвовала над всем сущим, изредка нарушаемая воинственным клетотом краснотелого, стремительного, как мысль, орла.

...Так вот. Жгло солнце. Дул ветер. Пели свою победную песню труда машины, в которую вплел свой уверенный голос и наш неутомимый выносливый «Газик». Мы ехали в город Рудный. Историю открытия Соколовско-Сарбайского месторождения железной руды ныне знает каждый школьник и нет смысла ее пересказывать. Но вспоминая о ней, нельзя не гордиться человеком – пытливым, честным, с высоко развитым чувством ответственности за судьбу своего Отечества и, во имя его процветания, готового на любой подвиг.

Он, этот город, возник перед нашими взорами не сразу. Сначала на горизонте встали пепельно-седые, похожие на древние крепостные, земляные валы. Там производились вскрышные работы, и те самые шагающие экскаваторы многопудовыми ковшами откидывали сюда землю, вскрывая карьеры. Затем, как-то сразу, шоссейная магистраль разбежалась на несколько дорог, и перед нами, как мираж, возникли многоэтажные здания.

Мы ринулись им навстречу и вскоре оказались на прямых, заполненных людом улицах Рудного. Это трудно передать словами: после необозримой степи, залитой золотисто-желтым морем целинной пшеницы, которая только что радовала глаз, оказаться вдруг среди шумных, и скажем откровенно, несколько тесноватых улиц юного, как бы робко приютившегося на краю степи, но уже органически ставшего неотъемлемой частью ее пейзажа, индустриального города.

Да, он юн, этот город. Но уже полон увлекательных легенд. Скажем, несколько легенд ведет вас увлекательной тропой, где правда украшена вымыслом, к первохранителю тех рудных мест Сарбаю. По одной легенде это был богатый, хитрый и корыстолюбивый человек. Он скрыл тайну клада, чтобы чужеродная железная лопата не врезала в грудь его урочища. По другой легенде Сарбай – бедный кочевник. Он не хотел, чтобы открытый им, ему ведомыми приемами по травам и полыни клад попал в алчные руки казахов или русских богачей. Сарбай хотел, чтобы богатства его степи попали в руки трудового народа. Но как бы там ни было, кладом овладел народ. И уже новые легенды понесла столь устная молва по степи...

Живые легенды. Они толпятся у кафе, на ходу попивая кефир. Что-то присматривают в универсамах. Сейчас, солнечным днем, они в спецовках, отмеченных разноцветными звездами их профессий: штукатуров, маляров, каменщиков, электросварщиков, машинистов. Вечером – сияние электрических огней — у входа кинотеатра их не узнать. Распущены косы,

пестрые платья и модные юбки – на девушках. У парней – костюмы последней моды.

Строители – они не просто проживают здесь, а являются хозяевами города.

Кстати, одна из главных улиц Рудного названа улицей Строителей. И это закономерно так же, как на Казахстанской Магнитке центральная магистраль носит название проспекта Строителей, но подойдя к зданию с колоннами и прочитав на вывеске «кинотеатр «Строитель», вы настораживаетесь. А когда с фасада другого здания в глаза бросаются буквы «кафе «Строитель», вы начинаете испытывать нечто схожее с тем, что испытал крыловский мужичок, отведав демьяновой ухи. Хочется верить, что у молодых строителей города Рудного хватит мечты, воображения и вкуса, чтобы красиво и осмысленно назвать улицы и стадионы и преодолеть рутину и не в меру рьяную угодливость «отцов города», пристрастившихся к слову «строитель».

Молодые люди спешат — им заступать на смену. Пойдем и мы по той же дороге. Впрочем, в Рудном все дороги ведут к карьерам.

Одна из таких дорог привела и нас через железнодорожный переезд в гигантский котлован со множеством дорог.

Смотришь на почвенные разрезы, и они напоминают книжные полки, плотно уставленные книгами. Вот горизонт желтовато-лиловый, вот пепельно-мышастый, вот ржаво-кирпичный. И, наконец, – бурочерный. Это уже и есть железная руда.

Как гигантские жуки, ползут по карнизам карьера огромные самосвалы, надсадно урча. Медно и ритмично работают бурильные станки. Тут и там протянуты паутины электричек. И в этом царстве вспоротой земли, урчащих и грохочущих механизмов и машин – пугающее безлюдие.

...В самой глубинной точке карьера мы видим экскаватор, по которому тянутся самосвалы. По уверениям начальника, там и добывается драгоценная руда. С высоты четвертого горизонта мы отчетливо видим, что за работой экскаватора не успевают машины. Двумя пригоршнями (причем – вторая неполная) он наполняет вместительный кузов, а потом подбирает руду в ожидании очередной машины.

...Отчаянно-лихие водители с цирковой виртуозностью со дна котлована доставляют руду к рудничной электричке. Здесь ее перегружают в вагонетки, и юркие электровозы катят ее по зыбким путям к железнодорожным составам. А там ее путь – через обогатительные фабрики – лежит к Челябинским заводам...

...Я назвал свои заметки — путь руды. Но разве это путь мертвого, затерянного в глубинах земли, металла? Это путь нашей Родины, нашей

молодежи, нашего человека. Это путь дружбы наших народов.

Произведения Д. Ф. Снегина:

1. Снегин, Д. В те дни и всегда: повести / Д. Снегин ; сост. сб. В. К. Ермаченков. - Алматы: Санат, 2005.- 432 с. - (Ұлы Отан соғысы Желісіне 60 жыл = 60 лет Победы в Великой Отечественной войне).
2. Снегин, Д. Открытый всем: беседы с Бауржаном Момыш-ұлы / Д. Снегин ; ауд. Ә. Жұмабай. - Алматы: Қазақстан, 2002.- 224 б.
3. Снегин, Д. Повести и рассказы / Д. Снегин ; предисл. В. Владимирова. - М.: Рус. кн, 2003.- 381,[3] с. - (2003. Год Казахстана в России).
4. Снегин, Д.Ф. Наш Баурджан / Д. Ф. Снегин. - Алматы: Жазушы, 2002.- 104 с. - (Шк. б — ка).
5. Снегин, Д. Собрание сочинений в 5-ти томах. - Алма-Ата: Жазушы, 1981-1983.
 - Т.1 В городе Верном: Роман в 2х книгах, 3-х ч.
Кн. 1: На краю света. - 542 с.
 - Т. 2. В городе верном:
Кн: 2. Мы из Семиречья. - 536 с.
 - Т. 3 Утро и два шага в полдень: роман -диалогия.
Кн.1: Утро. - 344 с.
 - Т. 4 Утро и два шага в полдень
Кн.2: Два шага в полдень. - 352 с.
 - Т. 5: Повести. - 576 с.
6. Снегин, Д. Встречи, которых не ждёшь: Воспоминания, новеллы, докум. повести. - Алма-Ата, Жазушы, 1979. - 264 с., ил.
7. Снегин, Д. Ожидание: Три повести и несколько страниц одной жизни / Д. Снегин ; худ. Е. Гумелёв. - Алма-Ата, Жазушы, 1980. - 447 с., ил.
8. Снегин, Д. Парламентёр выходит из рейхстага. Осеннее равноденствие: повести. - Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1962.- 199 с., ил.
9. Снегин, Д. Свет памяти: повести, новеллы, воспоминания. - Алма-Ата, Жазушы, 1996. - 448 с.
10. Снегин, Д. Утро и два шага в полдень: роман-диалогия / комент. и примеч. В. Ермаченкова. - Алма-Ата, Жазушы, 1982. - 375 с., 1 л. порт.

Литература о нём:

1. Брусиловская, Е. Недаром вы приснились мне...: [о Д. Ф. Снегине] / Е. Брусиловская // Казахстанская правда.- 2007.- 24 августа. - С. 10.

2. Брусиловская, Е. "Огненная страница жизни": [о Д. Ф. Снегине] / Е. Брусиловская // Казахстанская правда.- 2007.- 24 августа. - С. 10.
3. Владимиров, В. Дмитрий Снегин: Его любовь, Память и Слово / В. Владимиров. - Алматы: Қазақстан, 2003.- 288с+8л.: фот. - (Ғибратты ғұмыр = Личность и время)
4. Владимиров, В. Его вечное эхо: [к 95 - летию Дмитрия Федоровича Снегина] / В. Владимиров // Казахстанская правда. - 2007.- 27 ноября. - С. 8.
5. Владимиров, В. ...В те дни - и всегда: по страницам Великой Жизни : [о Д. Ф. Снегине] / В. Владимиров // Книголюб.- 2006.- № 4. - С. 14.
6. Кропивницкий, Н.П. Город-мечта: год 1959: «Путешествие в г. Рудный писателя Д. Снегина» / Н. П. Кропивницкий // Рудненский рабочий. - 2007. - 24 августа. - С. 17.
7. Қалдыбай, М. Снегин / М. Қалдыбай // Қазақстан сарбазы.- 2002.- 8 қараша. - 5 б.
8. Мацкевич, Э. Теплые звёзды: [воспоминания о деятелях культуры и искусства] / Э. Мацкевич // Нива.- 2006.- № 4. - С. 65.
9. Снегин (Поцелуев) Дмитрий // Положи свое сердце книгам: писатели Казахстана-детям и взрослым. Вып. 2 / ГДБ им.С. Бегалина.- Алматы, 2007. - С. 129-137.
10. Снегин Дмитрий // Жүрегінің жылуын кітапқа бұр: Қазақстан жазушылары. Анықтамалық. 2-шығарылым / С. Бегалин атындағы МБК.- Алматы, 2009.- 179-183 б.
11. Снегин Дмитрий: биография // Писатели Казахстана 1917-1967. Справочник. - Алма-Ата, 1969. - 368 с.
12. Сын своего времени: методические рекомендации к 100-летию со дня рождения Дмитрия Снегина / сост. И. Д. Мукосеева ; ред. С. А. Момбаева. - Алматы: Государственная юношеская библиотека им. Жамбыла, 2011. - 19 с., фот.
13. Щеголихин, И. Так мы жили: [о Д. Ф. Снегине] / И. Щеголихин // Простор. - 2008.- № 5. - С. 98-114.

Авторлар көрсеткіші.

***Указатель имён авторов, составителей, редакторов, переводчиков,
художников***

(цифры означают порядковый номер описания в списке)

Брусиловская Е.	1, 2
Владимиров В.	3-5
Кропивницкий Н.П.	6
Қалдыбай М.	7
Мацкевич Э.	8
Момбаева С.А.	12
Мукосеева И.Д.	12
Щегоглихин И.	13

Қорсеткішке кірген басылымдар тізімі.

***Список периодических изданий, материалы из которых включены в
указатель***

Қазақстан сарбазы	7
Казахстанская правда	1, 2
Книголюб	5
Нива	8
Простор	13
Рудненский рабочий	6

Составители: Сайрамбаева Ж.И.

Компьютерный набор: Сайрамбаева Ж.И.

Редактор: Жуламанова К.М.

Ответственный за выпуск: Теплякова Н. М.

Уважаемые читатели!
Областная библиотека
для детей и юношества
им. И. Алтынсарина
ждёт Вас

по адресу: **ул. Касымканова, 74**

Телефоны: **54-11-61, 39-00-43,
39-00-42**

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!!!

e-mail: albiblio@yandex.ru

www.allib.org